

Статус женщины в общинах Янтарного края в I тысячелетии н.э.

Аннотация. Наши современные знания о положении женщины в прусском доорденском обществе, основанные на данных археологии, можно суммировать следующим образом:

1. В эпоху римских влияний положение женщины в общинах эстиев Самбии и её ближней округи практически не отличалось от социальных норм древнегерманского общества. Существовали и рядовые женщина-общинницы, и «богатые» женщины, хозяйки крупных семей и усадеб. Это — в известной степени результат влияния германских соседей балтов и прямых матримониальных контактов с ними.
2. Достаточно престижное положение женщин у соседей пруссов — обитателей Мазур и низовой р. Неман в ряде случаев фиксируется вплоть до эпохи викингов и тоже нередко связано с инокультурными влияниями.
3. Формирование прусской дружины основательно изменило статус местных женщин, ставших фактически собственностью своих мужей и выполнявших всю бытовую работу, оставив мужчинам лишь воинские занятия. Вплоть до XII-XIII вв. в прусской археологии отсутствуют отдельные женские погребения. Очевидно, женщины, судя по находкам бусин в воинских могилах, были вынуждены сопровождать своих супругов как при их жизни, так и в Мире Ином.

Ключевые слова и фразы: Янтарный край, женщина, данные археологии.

Владимир КУЛАКОВ

Институт археологии РАН Калининград-Москва, Россия

Положение женщины в социальной структуре обществ *Barbaricum* римского времени к настоящему времени достаточно хорошо изучено. Римские письменные источники сообщают, в частности, о женщинах, принимавших участие в боевых действиях наряду с мужчинами-германцами [1, 87, сноски 55]. При этом Тацит упоминает многожёнство в древнегерманской среде, характерное для членов местной общины, обладавшим «видным положением». Статус этих персонажей не совсем ясен [3, 93]. Большое значение в германской среде (в том числе — и в юго-восточной Балтии) имели жрицы-*halio Gunnas*, ведавшими мистическими контактами с Миром Иным и обладавшими особыми фибулами отдела *Monströse* [12, 76, 77]. Достаточно высокий статус ряда германских женщин отражался прежде всего в составе наборов погребального инвентаря, полученного раскопками могильников первых веков нашей эры. Роскошь женских украшений, в частности — провинциально-римских и собственно германских фибул, изготовлявшихся из серебра, показывала высокий социальный статус женщин, в том числе — на территории полуострова Ютланд. Оттуда, посредством матримониальных связей часть этих женщин попадала в родственные восточногерманские сообщества носителей вельбарской культуры Вислинского левобережья. Там, на границе с балтским миром женщины продолжали обладать своим статусом, во многом равноправным с мужчинами [13, 217].

В современном калининградском краеведении, которое по факту замещает в самой западной области России деятельность профессиональных историков, сложилось мнение о том, что информация о положении женщин в прусском обществе сохранилась лишь в местном устном фольклорном творчестве [2, 6]. Данные археологии этому противоречат. Ранее, в науч-

но-популярной статье автор этих строк писал о том, что в сер. I тысячел. н.э. резко изменилось отношение пруссов к своим женщинам [6, 30], что отразилось в местных погребальных древностях.

Материал погребений рядовых общинников римского времени на Самбии и в её ближайшей округе представлен минимумом деталей инвентаря. Для мужчин характерно соблюдение местных традиций семейных усыпальниц (группа урн с остатками трупосожжений под единой каменной кладкой), для женщин — племенной набор украшений (пара фибул или булавок). Основной набор инвентаря, таким образом, для представителей обоих полов включает металлические детали убора (для мужчин — одна крупная фибула и пряжка, для женщин — пара небольших фибул) и керамическую посуду (урны и сосуды с поминальными приношениями) [7, 399]. Эта стандартизация состава набора погребального инвентаря свидетельствует об известном равноправии мужчин и женщин в общинах Янтарного берега. На фазах B2-C1 на могильниках эстиев известен ряд женских погребальных комплексов с обильным инвентарём, представленным металлическими деталями убора (рис. 1). Как правило, эти детали инвентаря в разной степени связаны с инокультурными традициями, типы находок в таких комплексах зачастую близки вельбарским нормам [7, 331]. Некоторые (если не большинства) из женщин, захороненных по упомянутым нормам, могли являться жёнами, поступившими на Янтарный берег из германского этнокультурного ареала в рамках матримониальных контактов (см. выше). Возможно, высокий социальный статус хозяйки усадьбы, которым эти женщины обладали на своей родине, в *Barbaricum* и на Вислинском левобережье им удалось сохранить и в юго-восточной Балтии, в своей новой среде обитания. Как показывают данные раскопок в западной части Самбии, в нач. III в. некоторые из этих женщин обладали индивидуальной собственностью (рис. 2).

Тенденция эстиев к следованию ряду германских

Рис. 1. Реконструкция убранства женщин эстиев I в. н.э. (по погр. L-233) [10, рис. 46].

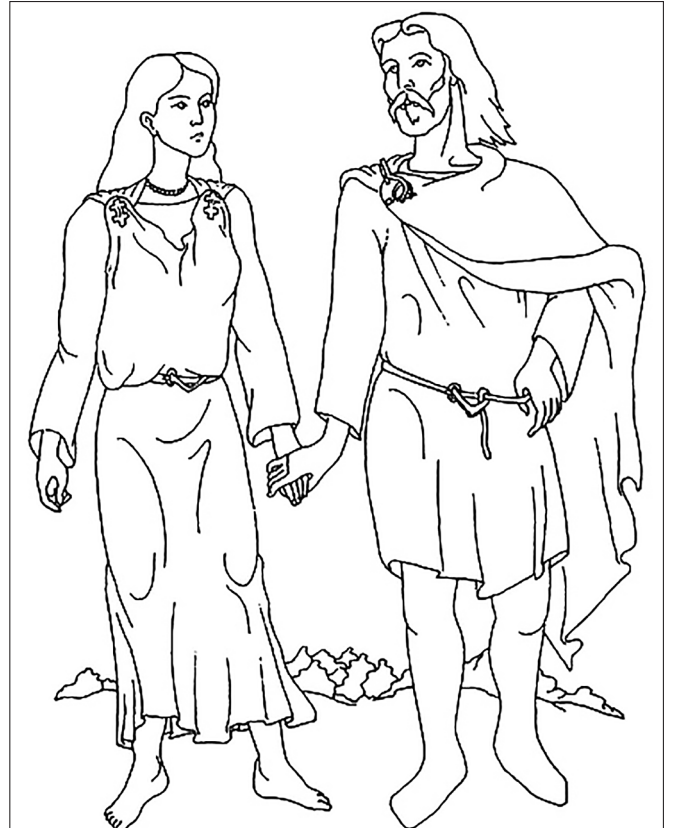

Рис. 3. Реконструкция убранства мужчины и женщины первой пол. VI в. по данным погр. Zo-131 могильника Zohren/Суворово [5, рис. 71].

Рис. 2. Реконструкция убранства женщин III в. н.э. (по погр. L-98 и L-102) [10, рис. 52].

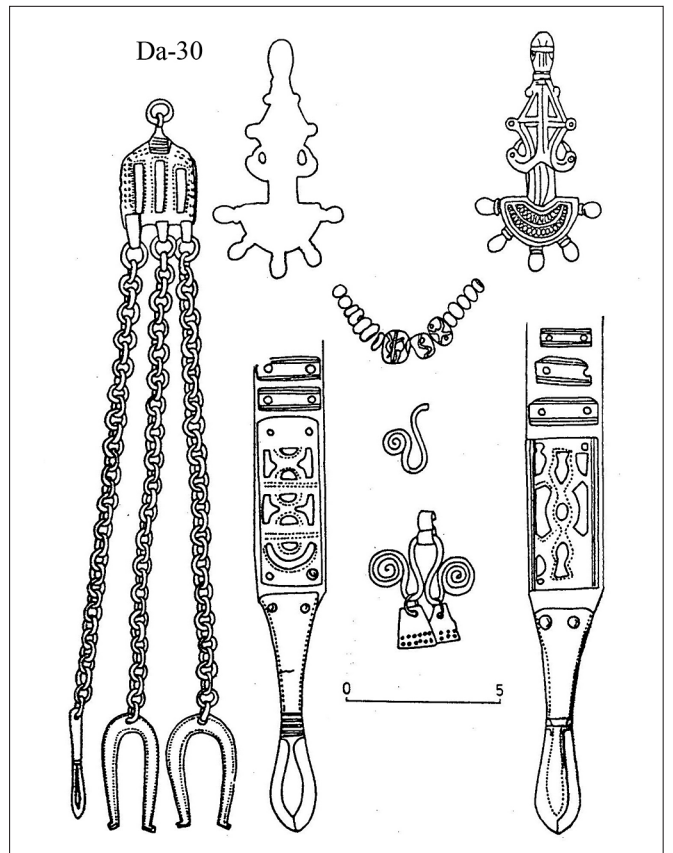

Рис. 4. Инвентарь погр. Da-30 могильника Daumen/Tumiany (woj. mazursko-warmińskie Polski) [4, рис. 29].

социальных норм (в частности — существование статуса «богатых» женщин) ослабевает в поздне римское время и окончательно исчезает с затуханием вельбарской культуры на западном рубеже балтского мира [7, 341]. Немалую роль может играть и ассимиляция ранее значительных в Янтарном крае групп германцев в местной балтской среде. Со становлением прусской дружины наиболее яркие образцы деталей погребального инвентаря (в том числе — орнаментированные в стиле Sösdala) представлены на ранней фазе эпохи Великого переселения народов именно в воинских комплексах. Прибывшие в юго-восточную Балтию в эпоху гуннских войн группы германцев-видвариев состояли исключительно из воинского контингента. В V в. и в последующих двух столетиях существования прусской археологической культуры отдельных погребения женщин-общинниц исчезающе мало [7, 343].

На прусских могильниках VI-VII вв. изредка встречаются погребальные комплексы с парами небольших по размеру фибул, характерных для женского убора. В количественном отношении деталей инвентаря эти комплексы не отличаются от мужских могил. В этот исторический период уже невозможно говорить о «богатстве» некоторых женщин и об их личной собственности. Упомянутая бедность инвентаря может свидетельствовать и в пользу общей унификации материальной культуры в прусском обществе на исходе эпохи Великого переселения народов (рис. 3), и являть-

ся показателем определённых, ограничительных норм помещения деталей инвентаря в могилу.

В отличие от весьма скромного убора прусских женщин их соседи с юга — носители традиций мазурской культурной группы — вплоть до рубежа VII-VIII вв. продолжали поддерживать высокое социальное положение своих жён. Правда, как и ранее, на Самбии римского времени, эти «богатые» женщины, обитавшие в эпоху Меровингов в западной части Мазурского Поозерья, судя по деталям своего инвентаря (рис. 4), принадлежали к группам германцев и славян, прибывших из пределов Аварского каганата для контроля над местными янтарными разработками. Также роскошеством своего инвентаря отличались погребения женщин скальвов, восточных соседей пруссов, причём — от римского времени вплоть до эпохи викингов [11, 125-153]. Тоже самое характерно и для женских погребений остальных западных балтов на Неманском правобережье. Судя по находкам арбалетовидных звериноголовых фибул скандинавского производства [скорее всего — свадебные дары с сакральным значением — 8, 50, 51] германские жёны в VI в. продолжают прибывать в прусское общество. Примечательно то, что звериноголовые (арбалетовидные и пластинчатые) фибулы обнаруживаются либо в качестве случайных находок, либо в малоинвентарных погребениях [9, 116].

Причина утраты прусскими женщинами своего былого высокого статуса кроется, очевидно, в специфике самой ранней в Балтии прусской дружины, возникшей вместе с прусской археологической культурой не позднее сер. V в. н.э. Резкая перемена социального статуса прусских женщин в это время отражена в «Семнадцати заповедях» легендарного князя Видевута, сохранившихся до Нового времени в местном фольклоре. Третья заповедь гласит: «Мы должны испытывать перед нашими богами страх и почтение. Ибо они дали нам в этой жизни красивых женщин...». Семнадцатая заповедь: «Когда умирает мужчина и юная жена остаётся без ребёнка и в одиночестве, тогда все её холостые друзья могут пытаться обрести от неё потомство...» [5, 150, 151]. Из этого становится ясен тот факт, что женщина в прусском обществе раннего средневековья воспринималась как собственность своего мужа и, в меньшей степени, своего мужского окружения. Кроме естественных семейных обязанностей, женщина осуществляла всевозможные хозяйственные действия [5, 100], в том числе — изготовление керамической посуды (рис. 5), включая погребальные урны.

Индивидуальные женские погребения вновь появляются на прусских могильниках лишь с исчезновением местной дружины в нач. XII в. [5, 154]. Но былого великолепия эти комплексы уже лишены.

Наши современные знания о положении женщины в прусском доорденском обществе, основанные на данных археологии, можно суммировать следующим образом:

4. В эпоху римских влияний положение женщины в общинах эстиев Самбии и её ближней округи прак-

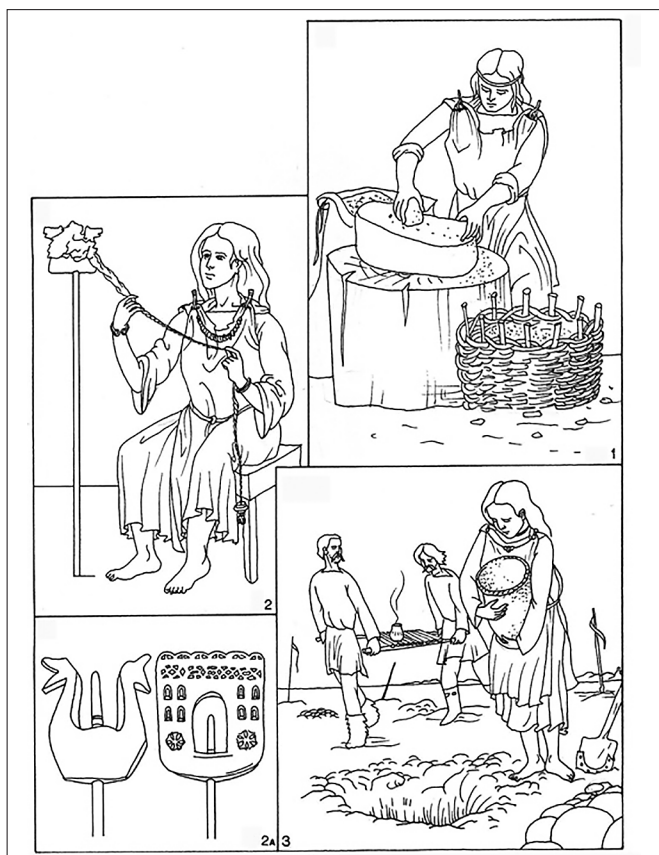

Рис. 5. Функции женщины в обществе раннесредневековых пруссов (архив автора).

тически не отличалось от социальных норм древнегерманского общества. Существовали и рядовые женщины-общинницы, и «богатые» женщины, хозяйки крупных семей и усадеб. Это — в известной степени результат влияния германских соседей балтов и прямых матримониальных контактов с ними.

5. Достаточно престижное положение женщин у соседей пруссов — обитателей Мазур и низовий р. Неман — в ряде случаев фиксируется вплоть до эпохи викингов и тоже нередко связано с инокультурными влияниями.

6. Формирование прусской дружины основательно изменило статус местных женщин, ставших фактически собственностью своих мужей и выполнявших всю бытовую работу, оставив мужчинам лишь воинские занятия. Вплоть до XII-XIII вв. в прусской археологии отсутствуют отдельные женские погребения. Очевидно, женщины, судя по находкам бусин в воинских могилах, были вынуждены сопровождать своих супругов как при их жизни, так и в Мире Ином.

Библиографические ссылки

1. Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии), СПб: «Ювента». - 2003. - 653 С.
2. Довыденко Л.В. Женщины Пруссии. Калининград: Дизайн Бюро. - 2004. - 108 С.
3. Камардин А.А. Образ жизни и общественный строй германцев по свидетельствам Цезаря и Тацита // Вопросы студенческой науки, вып. 9 (61), СПб: «Скиф». - 2021. - С. 86-96.
4. Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V - начала VIII вв. /по материалам раскопок 1878-1938 гг. // Barbaricum-1989. Warszawa: Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. - 1989. - С. 148-273.
5. Кулаков В.И. Прусы (5 - 13 вв.). М.: «Геоэко». - 1994. - 208 С.
6. Кулаков В.И. Женщина в Древней Пруссии. // «СКАН Калининград». № 2. - 2000. - С. 18, 19; № 4, С. 30, 31.
7. Кулаков В.И. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I-XI вв. н.э. // STRATUM plus «Между певкинами и феннами», № 4, СПб-Кишинёв-Одесса-Бухарест: Высшая Антропологическая школа. - 2005. - С. 278-382.
8. Кулаков В.И. Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V-VII вв., Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. - 2011a. - 150 С.
9. Кулаков В.И. Серии трёхлучевых фибул с маской зверя на ножке в исторической Пруссии // Stratum plus, № 5, СПб-Кишинёв-Одесса-Бухарест: «Высшая антропологическая школа». -, 2011b. - С. 109-122.
10. Кулаков В.И. Реконструкция убора обитателей Янтарного берега в I-V вв. н.э., Киев: «Видавель Олег Філюк». - 2013. - 167 С.
11. Кулаков В.И. Linkuhnen/Ржевское: мужские и женские комплексы в раскопках Карла Энгеля (1929, 1932 гг.) // Исторический формат, №№ 3-4, М. - 2017. - С. 125-153.
12. Кулаков В.И. Фибулы народов Балтийского региона. I в. до н.э. — XI в. н.э. Очерки истории застёжек, СПб: «Алетей». - 2022. - 345 С.
13. Schuster J. Frühe Gräber weiblicher Eliten bei den Germanen und ihre Vernetzung im Barbaricum // Quast D. (Herausg.) Female Elites in protohistoric Europe, Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. - 2011. - S. 307-320.